

И. В. Матвеева
(Челтенхем, Великобритания)

Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний

Инна Валентиновна Матвеева и ее мемуары

Из британского города Челтенхем пришло известие о кончине 6 декабря 2004 г. на 89-м году жизни И. В. Матвеевой, одной из последних свидетельниц и участниц исхода с родины в эмиграцию «первой волны» русских граждан, не желавших оказаться под властью большевиков. Некоторые отрывки из воспоминаний Инны Валентиновны уже опубликованы в предыдущем выпуске «Славянского альманаха». Ныне вниманию читателей предлагается еще несколько отрывков, в которых на этот раз повествуется об эмигрантской общественной и культурной жизни.

Инна Валентиновна Матвеева родилась 18 августа 1915 г. Пятилетней девочкой мать привезла ее вместе с братом Георгием и сестрой Татьяной в Болгарию. Семья поселилась в Софии, здесь она получила нового главу — мать Инны вторично вышла замуж за врача Валентина Владимировича Матвеева. Инна училась в основанной эмигрантами Софийской русской гимназии и в 1933 г. поступила на естественное отделение физико-математического факультета, где специализировалась по химии, получила диплом инженера. После завершения высшего образования нужно было зарабатывать на жизнь, и выпускница Софийского университета стала работать в химических лабораториях. Еще в гимназические и студенческие годы Инна Валентиновна интересовалась философскими, религиозными и общественными вопросами, этот интерес поддерживал в ней мыслитель и поэт, святлейший князь Андрей Александрович Ливен, принявший в Болгарии сан священника и ставший «правой рукой» главы русских православных общин в Болгарии архиепископа Серафима Соболева. В доме о. Андрея собиралась религиозно настроенная молодежь. И. В. Матвеева вспоминала, что слушала там чтение А. А. Ливеном отрывков из дневников Лютера, которые он переводил на русский язык.

Как видно из публикуемых воспоминаний, русская студентка болгарского университета вместе со своими друзьями интересовалась жизнью далекой родины, пыталась непредвзято оценить положение, сложившееся в России. Другие отрывки мемуаров свидетельствуют, что в годы Второй мировой войны Инна Валентиновна была в числе тех эмигрантов, которые сочувствовали борьбе Советского Союза с фашизмом, ждали от него разгрома фашистской Германии и избавления Болгарии от гитлеровского ига.

В 1945 г. И. В. Матвеева получила советское гражданство. Она несколько лет активно работала в Клубе советских граждан в Софии, руководила кружком по изучению СССР. В 1955 г. многим русским гражданам из

числа бывших эмигрантов было разрешено вернуться на родину, и Инна Валентиновна, у которой незадолго до возвращения родилась дочь, отправилась с грудным ребенком в Россию. На первых порах репатриантов ждали серьезные испытания: их, большей частью людей умственного труда, обычно направляли работать на целинных землях Казахстана или поднимать промышленность в восточных районах страны. Инне Валентиновне повезло — у нее в Москве жил отец, и она попала в столицу. Здесь, однако, первое время не было жилья, пришлось устраиваться на работу и решать множество других бытовых вопросов, причем не только личных: к И. В. Матвеевой тянулись репатрианты, приезжавшие в Москву из советской «глубинки» в надежде добиться улучшения своего положения. Там, где она жила, был своеобразный штаб возвратившихся из Болгарии русских, добивавшихся чего-либо в «инстанциях». Проявив незаурядную настойчивость, твердость и дипломатические способности, Инна Валентиновна помогла многим товарищам — репатриантам из Болгарии получить возможность жить в крупных городах и работать по специальности.

В Москве Инна Валентиновна Матвеева поступила на работу в Институт неорганической химии АН СССР, где трудилась до выхода на пенсию. В 2002 г. в связи с преклонным возрастом она вынуждена была переехать к дочери, жившей в Англии.

Весной 2003 г. И. В. Матвеева, с которой публикатор данных отрывков познакомился еще в Москве, стала присылать ему из Англии воспоминания о жизни эмигрантов в Болгарии, преимущественно в Софии. Эти мемуары не представляют чего-либо целого: Инна Валентиновна пишет то о гимназии, то об эмигрантских организациях, то о трудовой деятельности эмигрантов. В распоряжении публикатора имелись также краткие заметки И. В. Матвеевой об отдельных эмигрантах (в примечаниях они обозначены буквой З), которых мемуаристка лично знала или о которых слышала. Кроме последних заметок (они были написаны в московский период жизни Матвеевой) и уже опубликованных в «Славянском альманахе» за 2003 г. отрывков, имеются следующие мемуарные отрывки Инны Валентиновны:

- Организации взрослых и детей (в двух вариантах).
- Шпионы из СССР в Болгарии
- Русская церковь в жизни русских эмигрантов в Софии.
- Отец Андрей Ливен.
- Культурная жизнь и быт русских эмигрантов.
- Библиотеки (в двух вариантах, один составляет первую часть «Дополнений»).
- О русских студентах (отрывок составляет вторую и последнюю часть «Дополнений»).

Ниже публикуются «Дополнения» и первые страницы отрывка о культуре и быте эмиграции. Вместе с опубликованным ранее отрывком об эмигрантском образовании они составляют ту часть мемуаров, в которых рассматриваются вопросы культуры и просвещения софийской эмигрантской диаспоры. Основной отрывок под заглавием «Библиотеки» очень краток и во многом повторяет сведения «Дополнения». Он был использован при работе публикатора над текстом.

Отрывки даны в литературной обработке публикатора, который старался максимально полно и точно передать содержание мемуаров, но вынужден был значительно менять написанный И. В. Матвеевой текст. Это стало необходимым потому, что в отрывках много несогласованностей, повторов или стилистически неправильных выражений. Иногда приходится переставлять куски мемуаров, заимствовать из одних отрывков сведения, неправильно опущенные автором в других, и т.д. В предыдущем выпуске «Славянского альманаха» вся подобная правка была согласована с И. В. Матвеевой и получила ее положительную оценку. «Как хорошо и последовательно Вы все сделали! Спасибо Вам большое, возражений у меня нет...» — писала она 1 августа 2003 г. (письмо хранится в архиве публикатора).

Неточности, допущенные И. В. Матвеевой, отмечены в примечаниях. Там же сообщаются краткие сведения об упоминаемых в тексте лицах.

А. Н. Горяинов (Москва)

О русских студентах-эмигрантах

В главе о русском национальном образовании я немного писала уже про учебу в Софии студентов из числа русских эмигрантов. Сейчас хотелось бы подробнее остановиться на их общественной жизни, их взглядах, на студенческих организациях.

Русские студенты учились главным образом в Государственном (Державном) и Свободном университетах, находившихся в Софии. Были также единичные случаи получения эмигрантами высшего образования в Высшем торговом училище в Варне и в Высшем экономическом институте в Свиштове. Я уже рассказывала об оплате учебы эмигрантов из средств Союза русских студентов при Софийском университете и о выделяемых русским стипендиях. Здесь хочу заметить, что получение стипендии еще не гарантировало студенту сносных условий для учебы, стипендии могли и лишить, это обычно делалось, если студенты создавали семью. Я знала двух студентов, которые стали супругами на третьем курсе, лишились по этой причине стипендии и вынуждены были оставить университет, чтобы пойти работать¹. Еще одна известная мне студенческая пара поступила иначе: муж пошел работать и дал жене завершить образование, а затем, когда жена стала врачом, она помогла окончить университет мужу. Отмечу, кроме того, что многие стипендиаты, которые сумели получить высшее образование и устроиться на приличную работу, дававшую заработок в 2–3 тыс. левов, добровольно отчисляли студенческой корпорации по 100 левов в месяц для поддержки студентов-соотечественников.

В Державном университете русские эмигранты обучались преимущественно на агрономическом и медицинском факультетах.

Заполнялись также выделенные для эмигрантов места на филологическом факультете, там эмигрантская молодежь специализировалась по русскому языку, готовя себя к работе учителями в болгарских гимназиях, где русский изучался в течение двух лет по два урока в неделю. На других факультетах училось обычно 1–2 человека, а в отдельные годы на этих факультетах вообще не было русских.

Русские студенты учились прилежно, многие были лучшими на своем курсе, однако ученых степеней удаивались очень немногие: нужно было как можно скорее становиться на собственные ноги и начинать зарабатывать на жизнь. Среди этих немногих мне известен Мстислав Сергеевич Курчатов, двоюродный брат советского академика И. В. Курчатова. М. С. Курчатов оказался в эмиграции вместе с родителями. Он окончил Софийский университет, специализировался по химии, изучал процессы, происходящие при выплавке металла в домнах, и со временем стал доктором наук². <...> В 1950-е гг. Мстислав Курчатов хотел вернуться в СССР, но ему предложили работать рядовым химиком где-то в провинции, и он возвратился в Софию.

В Болгарии выпускники школ поступали в высшие учебные заведения на основании конкурса аттестатов. Тому, кто имел аттестат зрелости с низкими баллами, путь в Державный университет был закрыт. Чтобы получить профессию, довольно многочисленные выпускники русских гимназий с посредственными отметками в аттестатах вынуждены были поступать в Свободный университет, где ограничений в приеме не было. В Свободном университете готовили специалистов по экономике и праву. В нем могли учиться как мужчины, так и женщины, но все же из эмигрантской молодежи учились преимущественно мужчины. Обучение было вечерним, что позволяло получать высшее образование служащим, трудившимся в сфере торговли, финансов и работавшим в разного рода конторах. В Свободном университете получала образование одна моя школьная подруга. Она пошла туда не ради знаний, а ради престижа, когда работала официанткой в домашней столовой. После окончания университета эта женщина уже нигде не работала.

Всех русских студентов объединяла Корпорация русских студентов, во главе которой стояло лицо, избранное на студенческом собрании. Это был все время один и тот же человек, он возглавлял Корпорацию в течение многих лет и, видимо, периодически побеждал на выборах. Руководитель Корпорации был ставленником Российского общевоинского союза (РОВСа), крупнейшей антисоветской военно-политической организации русской эмиграции. Он пристально следил за политическими взглядами студентов, и если кто-то был неугоден РОВСу или замечался в неприязни к студенческой корпорации, за его обучение переставали платить (плату

необходимо было вносить два раза в год, перед началом зимнего и весеннего семестров). Разумеется, жесткий контроль над студентами вызывал у немалого их числа недовольство, и такие студенты часто превращались в «оппозиционеров». Среди них вскоре оказались и я, и мой одноклассник и друг А. П. Мещерский³.

Неприязнь РОВСа к нашей семье была вызвана нежеланием моего отчима, доктора Матвеева⁴ связать свою жизнь с этой организацией. Отчим окончил петербургскую Военно-медицинскую академию и в годы Первой мировой войны возглавлял санитарный поезд великой княгини Марии Павловны в звании полковника, он был даже представлен к генеральскому чину, но в Белом движении не участвовал. Незадолго до прихода большевиков к власти доктору Матвееву было поручено сопровождать раненых французских военнослужащих, морем возвращавшихся на свою родину. Октябрьские события 1917 г. застали пароход с французами в Тунисе, и он дальше не пошел. Примерно через год ряду русских граждан из числа пассажиров парохода и его медицинского персонала удалось добраться до Болгарии, и они осели там, ожидая окончания революции. Переждав ее, они думали вернуться в Россию и не уезжали из Болгарии, чтобы быть ближе к родной стране.

Руководители РОВСа неоднократно приглашали доктора Матвеева, как офицера, имевшего высокое воинское звание, вступить в эту организацию, но он неизменно отказывался, ссылаясь на то, что не является профессиональным военным и только вынужден был заниматься военно-врачебной деятельностью во время войны.

За это РОВС решил отыграться на мне. За учебу в Софийском университете в первом семестре 1933/1934 учебного года студенческая корпорация за меня заплатила, но затем платить не стала. А вскоре меня вызвали в РОВС и как студентке, специализирующейся по химии, предложили по разработанному кем-то рецепту изготовить бомбу. Эта бомба, конечно, предназначалась для использования в СССР, куда РОВС время от времени засылал своих людей для проведения спецопераций. Напрямую отказываться от «почетного задания» было опасно, и пришлось разыграть роль «кисейной барышни», которая смертельно боится всего взрывоопасного, даже вполне безопасных поодиночке составных частей бомбы. Я не поддавалась на длительные уговоры, и этого мне тоже не простили: какой-то представитель Корпорации русских студентов явился в деканат и потребовал исключить меня из университета (об этом мне рассказала секретарь декана). У декана не было оснований для выполнения требования РОВСа, и я осталась студенткой. Тогда РОВС обратился по моему «делу» к ректору, утверждая, что я неблагонадежна и не успеваю в учебе. Однако мнение эмигрантской организации ректора интересовало мало. Он затребовал мои документы, увидел мои

оценки, навел справки обо мне в болгарских студенческих организациях и, как ранее декан, не нашел никаких оснований для моего исключения. Тем не менее наша семья продолжала оставаться у РОВСа под подозрением.

Как-то в 1934 г. ко мне домой пришел Андрей Мещерский вместе с несколькими другими студентами. Он рассказал, что группа юношей и девушек, среди которых не только студенты, хотела бы изучать коммунистическую Россию. Молодежь знала о событиях на родине по эмигрантским газетам «Возрождение»⁵, «Последние новости»⁶ и др., но там публиковались только материалы об арестах, голоде, и все рисовалось в самых мрачных красках. В 1926 г. в Софии, в Русском доме прошла также выставка, на которой были показаны экспонаты, свидетельствующие о тяжелом положении в России, но ее устроители дошли до того, что продемонстрировали кусок обычного черного хлеба как доказательство его несъедобности. Черный цвет, как они утверждали, хлеб приобрел в результате примеси земли к тесту. Такая неумная пропаганда вызывала недоверие, и хотелось во всем разобраться самостоятельно.

Мне предложили стать секретарем возникшего кружка, мы предположили собираться у меня дома. Всего нас насчитывалось 10–12 человек. Каждому члену группы поручалось готовить доклады по той или иной теме из жизни СССР. Источником сведений должны были служить московские газеты, которые предполагалось получать от болгарских коммунистов. Намерение составить представление о родине по газетным материалам было, конечно, наивным; очень искренним, однако, являлось желание получить о родной стране объективную информацию.

Наши заседания не остались незамеченными РОВСом и организацией русских студентов. Сразу же после начала работы кружка к нам пришел представитель студенческой корпорации и заявил, что мы правы: современную жизнь СССР нужно изучать, но не следует делать этого в частном доме, обременяя моих родителей, а вполне можно собираться под покровительством Корпорации в общежитии или столовой. Мы обещали подумать, но не хотели оказаться под контролем РОВСа. В конечном счете, удалось обойтись без навязываемых нам помещений: кружок получил возможность собираться в особняке ИМКА. Собирались мы один раз в неделю. Помещение группе предоставлялось бесплатно, но мы не могли платить за освещение и отопление, и потому читали свои доклады в холоде и темноте. Иногда приносили свечи, но чаще, как бы скрываясь, сидели без света. Поскольку отопление не включалось, приходилось работать в верхней одежде. Особенно трудно было докладчикам: им нужно было заучивать свои доклады и читать их почти наизусть.

Вскоре РОВС нас выследил, и вместе с несколькими другими членами кружка я предстала пред светлые очи одного из его руководителей А. А. Браунера, который по совместительству возглавлял в болгарской Дирекции полиции III отдел, занимавшийся вылавливанием и «нейтрализацией» болгарских коммунистов. Браунер обвинил нас в принадлежности к Коммунистической партии. Мы, однако, смогли предварительно сговориться и твердо стояли на том, что репетируем спектакль в пользу студентов, не получающих стипендии. Наш «обвинитель» записал название, время проведения и другие выдуманные нами сведения о спектакле и обещал его посетить. В то же время он предупредил, что если наши сборища не прекратятся, нам не поздоровится.

Пришлось отказаться от помещения в особняке и срочно заняться разучиванием ролей какой-то русской пьесы, собираясь на дому у одной из кружковок. На репетиции приходили только те члены нашей группы, которые должны были участвовать в спектакле. И хотя под видом репетиций мы провели еще несколько заседаний кружка, после спектакля деятельность его прекратилась: мы знали, что Браунер продолжает за нами следить.

Культурная жизнь софийских эмигрантов «первой волны»

Русские эмигранты «первой волны» пользовались всеми благами культуры, которыми располагала София и, в свою очередь, вносили посильный вклад в культурную жизнь болгарской столицы.

Центральной столичной сценической площадкой было здание софийской Народной оперы где давались не только оперные спектакли, но и, в очередь с ними, один раз в два дня ставились драмы. Оперы и русских, и западных композиторов исполнялись артистами Народной оперы только на русском языке, их ставил русский дирижер Померанцев⁷, в оформлении спектаклей наряду с болгарскими художниками участвовал русский эмигрант, художник Н. Б. Глинский⁸. В течение ряда лет главные оперные партии исполняли русские артисты — тенор Каренин⁹ и бас Ждановский¹⁰, исполнявший партии Ф. И. Шаляпина. Оба певца пользовались большим успехом. После установления в результате Второй мировой войны новой власти Ждановский был арестован и погиб в советском лагере, а Каренину удалось вовремя уехать на Запад.

В хоре Народной оперы пели русские артисты и артистки, в балете танцевало несколько русских балерин. На оперных спектаклях эмигранты бывали довольно часто, 20–30-минутные антракты (ввиду отсутствия в то время технических приспособлений для быстрой смены декораций перерывы между действиями длились долго)

не были им в тягость, потому что эмигранты в театре активно общались друг с другом, в фойе постоянно звучала русская речь.

А. Л. Копотилова¹¹, русская, учительница немецкого языка, очень любила оперное искусство, много времени отдала исправлению произношения, ударения и акцента ведущих болгарских певцов. Это она часто делала бесплатно, по зову сердца, и артисты не остались в долгу: за Копотиловой было закреплено на все оперы постоянное место № 20 в первом ряду балкона, и рядом имелось всегда несколько пустых мест, на которые учительница имела право приглашать своих друзей и даже их знакомых. Такие приглашения очень радовали эмигрантскую молодежь, не имевшую средств на приобретение билетов, и около Копотиловой всегда сидел какой-нибудь гимназист или студент.

На сцене Народной оперы два раза состоялись гастрольные выступления Ф. И. Шаляпина¹², и во время этих гастролей чуть ли не весь театр был заполнен русскими, хотя билеты стоили очень дорого.

Драматические представления русские посещали мало, так как плохо владели болгарским языком. Однако в начале 1920-х гг. они имели возможность посетить спектакли артистов Московского художественного театра, оказавшихся за рубежом. Артист МХАТ Массалитинов¹³ и его жена артистка Краснопольская¹⁴ обосновались в Софии. Там Массалитинов стал главным режиссером Болгарской драмы, преподавал в театральном институте. Дочь супругов Татьяна¹⁵ впоследствии тоже стала артисткой, ей присвоено звание народной артистки Болгарии.

Популярным у русских эмигрантов был Театр русской драмы (молодежь прозвала его «Драма русского театра»)¹⁶. Театр создала бывшая актриса из русской провинции, выступавшая на сцене под фамилией Базилевич. Базилевич была режиссером спектаклей и одновременно исполняла в них множество главных ролей. Другие роли распределялись главным образом между членами семьи Базилевич (она была замужем за Зипаловым¹⁷, ее сын и дочь учились в Софийской русской гимназии) и актерами-любителями, но нередко в спектаклях участвовали и какие-либо профессиональные актеры и актрисы из числа живущих в Софии русских эмигрантов. Репетиции проходили обычно на дому у Базилевич. Вся административная деятельность лежала на Зипалове: он договаривался о предоставлении залов (обычно спектакли игрались в зале общества «Славянская беседа», который предоставлялся театру бесплатно, возмещались только расходы на освещение, уборку зала после спектакля и т. д.) и о бесплатном напечатании билетов (они печатались в типографиях, где работали русские).

подавляющее большинство билетов распространялось среди директоров тех предприятий, где работали русские эмигранты. Обычно

Зипалов просил директора «поддержать русскую культуру» и навязывал ему 15–20 билетов. Директора-болгары, конечно, на спектакли не ходили и раздавали билеты работавшим у них русским, поэтому, хотя в кассе было в продаже лишь малое число билетов, зал был всегда полон. Небольшой балкон зала «Славянской беседы» выделялся гимназистам старших классов, которые проходили туда бесплатно¹⁸.

Спектакли давались ежемесячно или один раз в два месяца. В основном ставились русские пьесы, давались также некоторые пьесы западноевропейских авторов, разные водевили — все то, в чем могла играть главные роли Базилевич.

За пределами театра Зипалов прославился тем, что построил для себя и своей семьи склеп на Русском кладбище, возвышавшийся над скромными могилами с каменными и деревянными крестами. Там кроме супругов Зипаловых нашла упокоение дочь Базилевич Зоя, погибшая при бомбардировке Софии в 1944 г. Сын Зипаловых окончил университет и стал юристом.

Русские эмигранты очень любили посещать концерты приезжавших в Софию русских артистов — мужского хора из Парижа под руководством Жарова¹⁹ (впоследствии все участники этого хора, который мы, девочки, называли хором «мальчиков», погибли в авиакатастрофе при перелете в США), А. Вертинского²⁰, Н. Плевицкой²¹. Общий восторг вызывали песни Плевицкой, на концертах которой зал заливался слезами, в особенности трогала русских эмигрантов песня «Занесло тебя снегом, Россия».

Иногда в Софии устраивались художественные выставки, картины для которых привозились из музеев Запада, но болгары посещали эти выставки недостаточно активно, и потому они были редкими.

Излюбленным развлечением русских эмигрантов, живших в Софии, было кино. В первые годы эмигрантской жизни фильмы еще были немые, на экране только появлялись иногда субтитры на болгарском языке, тогда мало освоенном русскими. Тем не менее все было понятно, артисты передавали то, что было нужно, не словами, а самой игрой. Кинофильмы шли под музыку, исполнявшуюся таперами, которые имелись в каждом кинотеатре. Они обычно играли на пианино, сопровождая действие на экране мелодией, которую подбирали самостоятельно сообразно происходившим в фильме событиям. Таперами работали преимущественно женщины. Среди моих знакомых была дама, которая несколько лет работала тапером. Она имела музыкальное образование и знала наизусть много музыкальных произведений. Дама рассказывала, что играет «с экрана», т. е. то, что считает подходящим к событиям, которые происходят в фильме в тот или иной момент действия, иногда ей даже приходилось повторять по нескольку раз одну и ту же музыкальную фразу.

Немые фильмы создавались главным образом по литературным произведениям (шли, например, картины «Робинзон Крузо», «Маленький лорд Фаунтлерой», «Отверженные»²², экранизировались некоторые рассказы Мопассана) или по специально написанным для кино сценариям, содержащим простые, но увлекательные истории. Во многих фильмах играл мальчик Джекки Куган²³. Были популярны кинофильмы с участием Рудольфа Валентино, Греты Гарбо, Вили Фрича, Мэри Пикфорд²⁴, русского артиста Ивана Мозжухина и его партнерши Наталии Лысенко (особенным успехом пользовалась их актерская работа в кинофильме по роману Жюль Верна «Михаил Строгов»²⁵), а также жившего в Югославии русского артиста Ивана Пётровича. Успехом пользовались также австрийские кинокартины с легкими или забавными сюжетами, где в заглавных ролях выступала Ани Ондра. Большинство демонстрировавшихся в Болгарии фильмов производилось во Франции, Германии, США. Из фильмов, снятых в Болгарии, я помню только один, появившийся в конце 1929 г. Он был о русской эмиграции, и роль девочки-эмигрантки в нем сыграла одна из наших гимназисток, шестнадцатилетняя Таня Тарновская, снимавшаяся в фильме как Тити Тарновская²⁶.

Большим событием в жизни русских эмигрантов стала демонстрация в 1924 или 1925 г. документального фильма «300-летие царствования Дома Романовых»²⁷. В фильме показывались юбилейные торжества с участием членов царской семьи, депутатов Государственной Думы, военных, иностранных гостей. Все эти люди были нарядными, «при полном параде», при орденах. Я тогда училась в выпускном классе Софийской русской гимназии и сидела в кинотеатре рядом с учительницей. Когда та увидела на экране депутатов Думы, она вдруг громко крикнула «Георгий Александрович! Живой!», а затем горько заплакала. Так наша преподавательница реагировала, увидев на экране мужа, которого недавно похоронила²⁸.

Детей в Софии пускали только на определенные фильмы, отобранные для специальных двух сеансов «ученического кино» в неделю, которые проводились в кинотеатрах каждое воскресенье в дневные часы. Когда стало известно о том, что гимназистка Тарновская сыграла роль в кино, ее исключили из гимназии.

Большинство русских абонировалось в русских библиотеках²⁹. <...> Газеты [эмиграции] многие русские выписывали на дом. В соответствии со своими политическими убеждениями они подписывались на «Возрождение», «Последние новости» и другие газеты, выходившие за пределами Болгарии. Наибольший интерес в газетах вызывали фельетоны Ренникова³⁰, рассказы Тэффи³¹, воспоминания художника Коровина³². Своей газеты русская эмиграция в Софии не имела. Были только попытки, появилось по несколько

номеров газет «Голос» и «Вопль», но содержание их было далеко от совершенства и даже выходило за рамки приличия. Там с гадким юмором обыгрывались фамилии некоторых живших в Софии русских эмигрантов и комментировались случавшиеся с ними происшествия³³.

В одной из болгарских газет работал репортером молодой русский, совсем юноша. В Софии жили также поэтесса Любовь Столица, известная как автор поэмы «Елена Деева»³⁴, писатель А. М. Федоров³⁵, поэт Евреинов (позже он уехал в Бельгию)³⁶. Через Софию проехало также много писателей и поэтов, направлявшихся в эмиграцию из России в страны Запада.

Наиболее значительными событиями в культурной жизни русской эмиграции были ежегодные «Дни русской культуры», которые всегда отмечались торжественно. Особо торжественно отмечался «День русской культуры» в 1937 г., в год юбилея А. С. Пушкина. Обычно для проведения торжеств арендовался хороший зал какого-нибудь кинотеатра. Заслушивался интересный доклад одного из деятелей культуры или видного представителя общественной жизни, затем состоялся концерт, в нем, как правило, участвовали мастера художественного слова, выступали певцы. Русская эмигрантская интеллигенция посещала торжественные заседания почти вся без исключения, участвовать в торжествах считалось очень престижным не только для русских, но и для болгарских артистов.

В конце 20-х и в начале 30-х гг. на Западе стало модно проводить «суды» над некоторыми героями литературных произведений. В Париже, например, состоялся «суд над Евгением Онегиным». В «судах» участвовали «обвиняемые», «судьи», «присяжные заседатели», «прокуроры», «защитники», «свидетели». Подхватили эту моду и в Софии. В стенах Софийской русской гимназии состоялась серия «судов» над разными персонажами семьи Простаковых из «Недоросля» Фонвизина. В «судах» участвовали многие гимназисты и гимназистки старших классов. Они изображали «обвиняемых» и «свидетелей» из числа персонажей комедии, других «участников судебного процесса». К «судам» всегда долго готовились, тщательно разучивали тексты выступлений судей, прокуроров и других участников действия. Тексты составлялись заранее какими-то взрослыми «специалистами», их получали, как мне представляется, из Всероссийского союза городов, может быть, их писал сам руководитель болгарской части ВСГ А. В. Арцишевский³⁷, который всегда инсценировал детские сказки, разыгрывавшиеся на школьных елках. «Суды» были «публичными», на них присутствовали учащиеся и их родители. Они проходили очень интересно, но на подготовку и проведение этих увлекательных представлений тратилось слишком много времени, поэтому от них вскоре отказались.

Среди русской эмигрантской молодежи наименьшей популярностью пользовался спорт. Некоторые занимались лыжами на горе Люлин, горнолыжники катались на горе Витоша. Довольно много молодых эмигрантов увлекалось туризмом, осваивая горы Южной Болгарии. Гимнастику культивировало общество «Русский сокол». Когда в окрестностях Софии был построен плавательный бассейн «Диана» с пляжем, русские стали его частыми посетителями, но они занимались оздоровительным, а не спортивным плаванием. Теннис был очень дорогим видом спорта, в него играли исключительно иностранные дипломаты, русские же школьники и студенты занимались к ним подбирать теннисные мячи.

Русские библиотеки в Софии

Главной библиотекой русских эмигрантов в Софии была Пушкинская. Она принадлежала Всероссийскому союзу городов и Земско-городскому комитету, ее курировал представитель Всероссийского союза городов в Болгарии А. В. Арцишевский. Библиотека располагалась в квартире большой площади, часть комнат которой была занята книгами и читальным залом, в той же квартире жил заведующий библиотекой. Библиотечные книги заполняли стены двух комнат, в небольшой проходной комнате стояли два столика, за которыми всегда сидели читатели, работавшие с газетами. Обычно это были мужчины, среди них имелся один читатель, постоянно пользовавшийся энциклопедиями.

Заведовали библиотекой полковник артиллерии Карпинский³⁸, а с конца 1930-х гг. — А. В. Арцишевский. В 1928 г., после окончания гимназии, в библиотеке стала работать также дочь Карпинского Татьяна, которая часто замещала отца на выдаче литературы, но она могла только записывать в формуляры сданные и выданные книги и совсем не была способна помочь читателям.

Каких-либо вечеров или обсуждений выходящих книг в Пушкинской библиотеке никогда не проводилось. Карпинский и его дочь, не имевшие соответствующей подготовки, вряд ли были способны вести такую работу, но те функции, которые они на себя взяли, отец и дочь выполняли хорошо. Например, книги из Пушкинской можно было получить даже находясь вне Софии. Для этого читателю, записанному в библиотеку, нужно было составить список необходимых книг и послать его Карпинскому, имеющиеся в библиотеке книги высылались почтой заказчику, а он должен был оплатить почтовые расходы.

Пушкинская библиотека существовала вплоть до прихода в Болгарию в 1944 г. Советской армии. Формально она была конфискована, а фактически разграблена. Всю ее растащили советские солдаты

и офицеры, добравшиеся до совсем неизвестной им и такой увлекательной эмигрантской литературы.

Пользование Пушкинской библиотекой было платным, при записи читатели вносили в качестве залога 50 левов, а затем ежемесячно платили 30 левов. Эта сумма была очень небольшой: килограмм белого хлеба стоил в Софии 12 левов, а килограмм мяса — 24 лева, поденный рабочий получал в день 50 левов.

Книги на полках были расставлены по отделам (беллетристика, детская литература, энциклопедии и словари и т. д.) Существовал печатный каталог библиотечных книг в виде сброшюрованной «тетради»³⁹. Ядро библиотеки составляла русская классика, в ней имелся ряд классических произведений мировой литературы — русские переводы ряда романов В. Гюго, А. Доде, Т. Манна. Библиотека имела также некоторые дореволюционные и получала современные эмигрантские журналы, выходящие в Париже, Берлине и Риге. Помню из старых изданий журналы «Исторический вестник»⁴⁰, «Природа и люди»⁴¹, «Нива»⁴², «Вера»⁴³. Комплектовалась библиотека также новыми журналами на русском языке — я вспоминаю «Иллюстрированную Россию»⁴⁴, «Перезвоны»⁴⁵, «Юный читатель»⁴⁶, «Современные записки»⁴⁷. Из справочных изданий имелась энциклопедия Брокгауза и Ефрона, некоторые словари. Литературой на болгарском и других европейских языках Пушкинская и иные софийские эмигрантские библиотеки не комплектовались.

В Пушкинскую библиотеку постоянно поступали новые «бульварные» романы русских писательниц-эмигранток Нагродской⁴⁸, Лаппо-Данилевской⁴⁹, Крыжановской⁵⁰, княгини Бебутовой⁵¹, а также переводы на русский язык французских «бульварных» романов, из которых запомнились произведения Виктора Маргерита и его романы, написанные совместно с братом⁵². «Бульварные» романы брали главным образом дамы, это чтение помогало женщинам, как они сами говорили, отдохнуть и отвлечься от скудной и неинтересной эмигрантской жизни; часть этого чтива была такой по содержанию, что родители не могли давать книги детям.

Развлекали читателей также переводные произведения детективного жанра. Библиотека получала главным образом детективы популярного тогда автора Э. Уоллеса⁵³. Как-то я стала свидетельницей того, как одна из читательниц спрашивала у сотрудника библиотеки, не получен ли новый роман Уоллеса. Узнав, что новинки нет, дама ушла, вообще не взяв книг. «Я люблю только романы Уоллеса», — заявила она библиотекарю. Таких читателей, которые приходили исключительно за книгами Уоллеса, было, по словам Карпинского, несколько человек.

Наряду с бульварными романами Пушкинская библиотека получала много другой русской эмигрантской беллетристики, мемуары,

книги по истории. У читателей пользовались популярностью исторические романы С. Р. Минцлова⁵⁴. Мужчины часто спрашивали романы П. Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», «Понять — простить», «За чертополохом» и др.⁵⁵

Как я узнала впоследствии, судьба П. Н. Краснова оказалась трагичной. Он жил в Берлине, его брат Николай Николаевич — в Париже. В конце войны братья оказались в руках советских спецслужб. В 1975 г. я была в Париже и прочитала там книгу Н. Н. Краснова⁵⁶, где он рассказывал, как его и его брата арестовали и отправили на Лубянку. После многочисленных допросов брата расстреляли, а Николай Краснов около десяти лет провел в советском лагере. В книге он рассказал о смерти брата и перенесенных страданиях. После освобождения Париж отказал Н. Н. Краснову в визе для возвращения во Францию, но благодаря усилиям шведских друзей он смог выехать из Советского Союза в Швецию, и во Францию переехал уже оттуда.

Получала библиотека также книги по истории, философии, религии, педагогике, различные учебники и самоучители. В ней постоянным спросом пользовалась отечественная и переводная детская литература — те классические произведения, которые всегда читали дети в России. Но этой литературы было мало, и наша семья записалась в ее поисках в библиотеку при книжном магазине «Зарницы».

Главным занятием владельца «Зарниц» писателя Калининкова⁵⁷ был книжный магазин, где продавались газеты и книги, выходящие на Западе. Магазин снабжал новыми книгами и Пушкинскую библиотеку. «Библиотека» при магазине занимала всего две-три полки, но там имелись отсутствующие в Пушкинской библиотеке книги для детей и некоторые другие издания. Кроме того, на полках собрания Калининкова стояли дореволюционные журналы «Нива», «Природа и люди» (среди этих журналов были и номера, отсутствующие в Пушкинской библиотеке). Каталога не было, чтобы что-нибудь найти приходилось рыться в книгах.

Совсем небольшое количество русских книг выдавалось читателям в магазине «Печатное дело», который торговал свежими газетами и новинками русской беллетристики, в том числе советскими изданиями. Там была всего одна полка дореволюционных книг, так что даже название «Библиотека» к этому собранию вряд ли было применимо. Имелась еще русская библиотека при Обществе галлиполийцев, она называлась Гоголевской. Вряд ли эта библиотека была большой, во всяком случае, я не знала никого, кто бы ею пользовался, и о ней мне никто никогда не рассказывал. Наконец, существовали школьная библиотека Софийской русской гимназии (о ней я уже писала в главе о русском национальном образовании) и небольшая

библиотека Союза русских студентов при его общежитии. В последней библиотеке, которой могли пользоваться только обитатели общежития (в нем проживали исключительно студенты-одиночки, у которых не было никакой возможности где-либо приютиться), имелось некоторое количество учебников и научной литературы.

Издания на русском языке можно было найти не только в русских библиотеках, но и в болгарских «читалищах». Там довольно часто имелись комплекты старых русских журналов. По всей вероятности, их передавали в «читалища» болгары, знавшие русский язык и выписывавшие до революции литературу из России. Они, однако, русским библиотекам книг не жертвовали, по крайней мере, я не знаю ни одного такого случая. В «читалищах» я брала многие журналы, они выдавались на дом. Русские эмигранты, принадлежавшие к культурной элите общества, пользовались книгами болгарской Народной библиотеки, комплектование и обслуживание в которой находилось на самом высоком уровне.

Книжный голод на русские книги в эмигрантской среде вызвал некую специфическую форму выдачи книг для чтения, о которой я расскажу ниже. В Софии работала русская эмигрантка, накануне Второй мировой войны она была учительницей в Софийской русской гимназии. Эта одинокая дама, преподававшая французский и немецкий языки, хорошо зарабатывала частными уроками и имела возможность материально помогать соотечественникам. Она выбрала двух пожилых русских инвалидов и предоставила в их распоряжение свою домашнюю библиотеку из почти 500 томов литературных приложений к журналу «Нива», приобретенных, видимо, у кого-то из болгарских интеллигентов. В приложения входили полные собрания сочинений И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского и многих других писателей XIX в. Книги были в хорошем состоянии, в кожаных переплетах. Инвалиды давали эти книги русским для прочтения за небольшую плату, которая помогала им сводить концы с концами. После кончины инвалидов приложения к «Ниве» вернулись к хозяйке, и она их продавала. Узнав об этом, я решила книги купить, у меня до той поры совсем не было книг, а тут нашлось такое богатство! Приложения к «Ниве» я действительно купила, платила за них в рассрочку, но, когда в 1955 г. решила переселиться в СССР, болгарский Литфонд запретил увозить из страны эти книги. После моего отъезда к матери, которая осталась в Болгарии, явился один аферист-книготорговец и обманом завладел книгами: он сказал, что отдал мне большую часть их стоимости и, заплатив немного матери, забрал книги и переправил их в Австралию (там после войны оказалось много русских эмигрантов и был дефицит русской литературы).

Русскими книгами в Софии до 1934 г. торговали два букиниста, оба они раскладывали свой товар прямо на улице, в открытых шкафчиках и на плоских деталях ограды по обе стороны ворот во двор бывшего русского посольства, которое занимали различные эмигрантские организации. Один букинист, его звали Иваней, торговал слева от ворот, другой по имени Манько — справа. После установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР и возвращения Советскому посольству посольского здания их торговля прекратилась. Тогда же открылся магазин «Русская книга», где можно было купить советские издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Из З. видно, что речь идет о студентах Софийского университета Л. С. Третьякове и О. Л. Бурцевой, которые стали работать в так называемом «Центрохламе» (о деятельности этого предприятия по реставрации ношенной одежды см.: Славянский альманах 2003. С. 498–499).
- ² Курчатов Мстислав Сергеевич (1911), родился в Уфе, доктор и профессор, работал в Софийском университете и в Институте общей и неорганической химии Болгарской АН. В. И. Матвеева в опущенной части фразы утверждает, что он был академиком, но подтверждений этого факта разыскать не удалось.
- ³ Мещерский Андрей Павлович (1915–1992), был вывезен матерью из России ребенком, окончил Софийскую русскую гимназию и Свободный университет в Софии, в 1941 г. женился на дочери известного историка П. М. Бицилли, стал основоположником изучения его творчества. В 1944 г. вступил добровольцем в болгарскую армию, участвовал в борьбе с гитлеровскими войсками. После 1945 г. в течение многих лет работал библиотекарем в Народной библиотеке Болгарии.
- ⁴ Матвеев Валентин Владимирович (1880–1948), врач, в Болгарии возглавлял передвижной отряд по борьбе с венерическими болезнями, работал в Дирекции народного здоровья, принимал активное участие в создании медицинского факультета Софийского университета.
- ⁵ Газета праволиберального направления, выходила под редакцией П. Б. Струве в Париже в 1925–1940 гг.
- ⁶ Газета либералов, сторонников П. Н. Милюкова, выходила под его редакцией в Париже в 1920–1940 гг.
- ⁷ Померанцев Юрий Николаевич (1878–1933), композитор, воспитанник Московской консерватории. До 1918 г. был дирижером оперного театра Зимина и балета Большого театра. В 1919 г. выехал за рубеж на гастроли, в 1924–1927 гг. был главным дирижером болгарской Народной оперы.
- ⁸ Глинский Николай Борисович (1901), участник Белого движения, оказался в Турции, затем в Болгарии. Окончил русскую гимназию в г. Шумен и Государственную художественную академию в Софии, был одним из основателей Общества русских художников в Болгарии (существовало

- с конца 1929 до середины 1940-х гг.), участвовал в организованных обществом художественных выставках. В 1920–1930-х гг. работал театральным художником-сценографом Народной оперы. По одним сведениям умер в Болгарии в 1976 г., по другим во второй половине 1950-х гг. вернулся в СССР, был главным художником Саратовского драматического театра, скончался в 1998 г. в Саратове.
- ⁹ Каренин Константин Иванович, оперный артист, с 1930 пел в Народной опере, пользовался большой популярностью. В 1939 г. уехал в Прагу.
- ¹⁰ Ждановский Евгений Фадесвич (1892–1949), с 1923 жил за рубежом, с 1928 — солист софийской Народной оперы.
- ¹¹ Копотилова Александра Львовна, до 1929 г. преподавала в русской гимназии в Варне, затем, по свидетельству автора воспоминаний, жила в Софии, давала частные уроки.
- ¹² В статье Е. Даскаловой «Руските театрални дейци в България» (см.: Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция... София, 2001) на с. 252 опубликована надпись Шаляпина на фотографии, подаренной им упомянутому выше художнику Н. Б. Глинскому: «Брависсимо! Милейший Глинский! Смотрел ваши эскизы, превосходная работа! Bravo!» Надпись датирована октябрем 1934 г. Автор сообщает, что в это время Шаляпин пел в Народной опере заглавную партию в опере «Борис Годунов», сценографию которой осуществлял Н. Б. Глинский.
- ¹³ Массалитинов Николай Осипович (1880–1961), актер, режиссер, педагог. До 1919 — артист Художественного театра. В составе группы артистов театра, выехавших в 1920 г. на гастроли и не желавших возвращаться в Россию (впоследствии В. И. Качалов и большая часть группы на родину все же вернулась), посетил Болгарию, затем работал в Праге и Берлине, в 1925 г. был приглашен занять пост главного режиссера Софийского народного театра, и переехал в Софию, где поставил свыше 130 пьес. Руководил драматической студией, затем Школой-студией при театре. С 1949 г. профессор Высшего театрального училища, в 1950 г. стал лауреатом Димитровской премии.
- ¹⁴ Краснопольская Екатерина Филимоновна, артистка Художественного театра, вместе с Н. О. Массалитиновым и другими актерами театра выехала в 1920 г. на гастроли, работала в Берлине, а затем в Праге, где вышла замуж за Массалитинова. Вместе с супругом в 1925 г. приехала в Болгарию, помогала мужу руководить драматической студией при Софийском народном театре, преподавала теорию и практику сценического искусства.
- ¹⁵ Масалитинова Таня Николаева (родилась в 1922 г. в Праге), артистка и режиссер Софийского народного театра, лауреат Димитровской премии.
- ¹⁶ Театр был основан в 1922 г. при библиотеке общества «Славянская беседа», существовал до 1944 г. Основательница театра Екатерина Николаевна Базилевич скончалась в 1941 г., после ее кончины театром руководила ее дочь Зоя Григорова Базилевич.
- ¹⁷ По данным Е. Даскаловой и воспоминаниям П. Паспалеевой, Е. Н. Базилевич была замужем за Н. Базилевичем, актером-кукольником,

- учеником одного из создателей русского театра марионеток И. А. Зайцева (см.: Бялата эмиграция в България... С. 252, 420–421).
- ¹⁸ «Уж мы-то всегда энергично аплодировали», — вспоминает в З. о посещениях гимназистами театра Базилевич И. В. Матвеева.
- ¹⁹ Жаров Сергей Алексеевич (1897–1985), хоровой дирижер и регент. Окончил Московское синодальное училище церковного пения, служил в Белой армии, был эвакуирован на остров Лемнос, где создал хор из донских казаков. Хор с Лемноса попал в Болгарию и пел в русской церкви в Софии. С 1923 г. начались гастроли хора по многим странам, он везде пользовался успехом. Базировался хор в Париже.
- ²⁰ Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), эстрадный артист, создатель и исполнитель авторских песен. С 1919 — в эмиграции, выступал с концертами в разных странах, снимался в кино. С 1943 г. жил и работал в СССР.
- ²¹ Плевицкая Надежда Васильевна (1884–1941, настоящая фамилия Винникова), эстрадная певица (меццо-сопрано), исполнительница русских народных песен. После революции — в эмиграции, неоднократно приезжала в Болгарию на гастроли.
- ²² Имеются в виду экранизации романов Д. Дефо «Робинзон Крузо», Ф. Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой», В. Гюго «Отверженные».
- ²³ Куган Джекки (1914–1984), американский актер кино, снимался с 1919 г., играл обаятельных мальчишек-оборвышей, завоевал любовь публики. С взрослением терял популярность, перешел на характерные роли.
- ²⁴ Популярны американские киноактеры.
- ²⁵ Мозжухин Иван Ильич (1889–1930), крупнейший актер русского дореволюционного кинематографа. В 1920 г. эмигрировал, снимался главным образом во Франции, в частности во французском фильме «Михаил Строгов» (1926).
- ²⁶ Имеется в виду кинофильм «После пожара в России», поставленный по повести Пенчо Михайлова «Под землей». В нем, как указано в афише фильма (см. фото в кн.: Бялата эмиграция в България: Каталог [выставки]. София, 1996. С. 49), наряду с другими артистами играла «Тити» Тарновская.
- ²⁷ И. В. Матвеева имеет в виду фильм оператора Ф. Гельгара «Празднование 300-летия Дома Романовых в С.-Петербурге», впервые вышедший на экраны в 1913 г.
- ²⁸ Из З. видно, что в данном случае речь идет о члене Думы, курском помещике Георгии Александровиче Новосильцеве (умер в 1929 г.) и его жене, Варваре Степановне Новосильцевой, учительнице подготовительных классов русской гимназии в Софии (в последние годы жизни находилась в Русском инвалидном доме).
- ²⁹ Здесь опущено несколько предложений, повторяющих сведения, содержащиеся в главе «Русские библиотеки в Софии».
- ³⁰ Ренников (псевдоним, настоящая фамилия Селитренников) Андрей Митрофанович, журналист, после революции эмигрировал.

- 31 Тэффи (псевдоним, настоящая фамилия Лохвицкая) Надежда Александровна (1872—1952), автор сатирических стихов, фельетонов, юмористических рассказов. В 1920 г. эмигрировала, жила в Париже.
- 32 Коровин Константин Алексеевич (1861—1939), живописец, театральный художник, автор мемуаров «Моя жизнь», воспоминаний о художниках, очерков о путешествиях по России и зарубежным странам. В 1923 г. эмигрировал, жил в разных странах Западной Европы. Скончался в Париже.
- 33 Здесь И. В. Матвеевой изменила память. Газета «Голос» выходила в Софии в течение семи лет (1928—1934), всего вышло 469 номеров. Газета, возможно, и не пользовалась среди эмигрантов популярностью, но при ее сплошном просмотре ничего из того, о чем пишет автор мемуаров, публикатор не обнаружил. В то же время «Голос» (см. № 413 от 2.X.1932) выступил с резкой критикой другой эмигрантской газеты — «Софийские новости», которая расценивалась как пример «литературного хулиганства» и «непристойного тона» в отношении видных деятелей русской эмиграции в Болгарии, как продолжение «печально знаменитой» газеты «Вопль!».
- 34 Столица Любовь Никитична (1884—1934), поэтесса, воспевала в стилизованных под «старину» произведениях древнюю языческую Русь. В поэме «Елена Деева» (1916) противопоставляла патриархальную деревню развращенному городу. С 1920 г. — в эмиграции.
- 35 Федоров Александр Митрофанович (1868—1949), писатель, автор стихов, беллетристических и драматургических произведений. В 1920 г. эмигрировал.
- 36 И. В. Матвеева сообщает неверные сведения о Б. А. Евреинове. Борис Алексеевич Евреинов (1888—1933) был общественным деятелем и ученым-историком. В боях с советскими войсками он получил тяжелое ранение и был вывезен в Грецию, откуда перебрался в Польшу, а затем в Чехословакию, где и скончался. В Болгарии Евреинов был в 1930 г. как участник проходившего в Софии V съезда русских академических организаций за границей, он мог также посетить Софию проездом из Греции в Польшу. При жизни Евреинов напечатал всего два десятка стихотворений, «Книга стихов» Б. А. Евреинова вышла посмертно в Москве в 1997 г.
- 37 Арцишевский Александр Владиславович, русский генерал, в эмиграции был уполномоченным Всероссийского союза городов в Болгарии, с середины 1930-х гг. заведовал Пушкинской библиотекой в Софии.
- 38 Карпинский Николай Викторович, участвовал в боях в Крыму в составе Белой армии, в Болгарии активно работал в различных эмигрантских организациях и обществах, с 1921 г. возглавлял организацию русских скаутов.
- 39 Каталог книг Пушкинской библиотеки Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета. София, 1925.
- 40 Научно-популярный исторический журнал, выходил в Санкт-Петербурге в 1880—1917 гг.

- 41 Научно-популярный еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения, выходил в Санкт-Петербурге в 1889–1918 гг.
- 42 Журнал для семейного чтения, иллюстрированный еженедельник, выходил в Санкт-Петербурге в 1870–1917 гг.
- 43 Еженедельный духовно-нравственный иллюстрированный журнал. Выходил в Санкт-Петербурге в 1909 г. Вышло 52 номера.
- 44 Журнал, рассчитанный на широкий круг читателей, выходил в Париже в 1934–1939 гг., сначала два раза в неделю, затем еженедельно.
- 45 Литературно-художественный журнал, выходил в Риге в 1925–1929 гг.
- 46 Журнал для детей, выходил в Риге в 1926 г.
- 47 Литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходил в Париже в 1920–1940 гг.
- 48 Наградская Евгения Аполлоновна (1866–1930), писательница, автор романов и рассказов с запутанными и рискованными в сексуальном отношении сюжетами, в ряде произведений отразились увлечения автора спиритизмом и масонством. В 1918 г. бежала из Петрограда, в эмиграции жила во Франции.
- 49 Лаппо-Данилевская Надежда Александровна (1874–1951), писательница, автор романов и рассказов о жизни высших слоев общества, показанной сквозь призму страстей и личных драм. В 1921 г. оказалась с детьми в Прибалтике, с середины 1920-х гг. жила во Франции. В эмиграции написала ряд произведений, в которых пыталась дать панорамное изображение русской жизни в 1915–1919 гг. со всеми ее ужасами, писала также романы о дореволюционной России.
- 50 Крыжановская Вера Ивановна (1857–1924), автор исторических романов, в которых часто излагала мысли древних героев, передаваемых ей якобы оккультным путем, а также «оккультных» романов. После Октября 1917 г. эмигрировала в Эстонию, работала на лесопильном заводе, писала публицистические статьи.
- 51 Бebutova Ольга Михайловна (1879–1952), актриса и писательница. Автор свыше тридцати романов, похожих на скандальную хронику. Уехала в эмиграцию, печаталась преимущественно в рижских издательствах, описала свою актерскую карьеру в романе «Страсть и душа», вышедшем в 1925 г. в Софии. Умерла в Ницце.
- 52 Братья Маргерит Виктор (1866–1942) и Поль (1860–1918), авторы исторических и «бытовых» романов. В. Маргерит в своих романах ставил вопросы семьи, отношения полов и положения женщины.
- 53 Уоллес Эдгар (1875–1932), английский писатель, один из виднейших представителей детективной литературы XX в., создатель «романов-загадок», в которых интрига сводится к трудноразгадываемой головоломке. Написал свыше 150 романов и больше 300 рассказов.
- 54 Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933), писатель, мемуарист, библиограф, археолог. До революции в России писал преимущественно исторические романы и повести для взрослых и детей, опубликовал несколько книг, проникнутых мистическими настроениями. В 1917 г.

жил на своей даче в Финляндии, после Октября 1917 г. остался за рубежом. С 1919 г. жил в Югославии, с 1926 — в Латвии, в различных зарубежных издательствах выходили его старые и вновь созданные исторические романы.

- ⁵⁵ Краснов Петр Николаевич (1869—1947), один из видных деятелей Белого движения, генерал царской армии. До Октября 1917 г. служил в армии и одновременно печатал повести, рассказы и очерки из военной жизни, исторические работы. В годы Гражданской войны — атаман Всевеликого Войска Донского. С 1919 г. в вынужденной отставке, уехал за границу, жил в Германии. Опубликовал много мемуарных, историко-публицистических и художественных произведений, в том числе четырехтомный роман-эпопею «От двуглавого орла к красному знамени, 1894—1921» (Берлин, 1921), фантастический роман «За чертополохом» (Берлин, 1922), роман «Понять — простить» (Мюнхен, 1924) и др. Ориентировался на Германию, сотрудничал с фашистскими властями, с 1944 г. — начальник созданного Гитлером Главного казачьего управления. Сдался английским войскам, был выдан советской администрации, осужден и повешен.
- ⁵⁶ Книга воспоминаний Н. Н. Краснова «Незабываемое: 1945—1956» (Сан-Франциско, 1957) написана не братом П. Н. Краснова, а его внучатым племянником, Николаем Николаевичем Красновым-младшим (родился в 1918 г.). В книге рассказано о трагической гибели П. Н. Краснова и его племянника С. Н. Краснова, а также о безвременной кончине в советском лагере другого племянника белого генерала Н. Н. Краснова-старшего и о лагерной жизни автора. После освобождения Н. Н. Краснов-младший, живший до войны не во Франции, а в Югославии, потерял связь со своими родственниками и был разыскан родными, жившими в Швеции, к которым и уехал после освобождения.
- ⁵⁷ Каллиников Иосиф Федорович (1890—1934), поэт и прозаик, до Октября 1917 г. создавал произведения, для которых характерны стилизаторство на фольклорно-религиозной основе, эротизм и вычурность. В 1919 г. был мобилизован в Белую армию, психически заболел, с госпиталем эвакуирован в Египет, оттуда перебрался в 1922 в Болгарию. Из Болгарии уехал в Чехословакию, скончался в г. Теплице.